

Ахъ, время, времячко лихое!
 Тебя опять не наживу,
 Когда, бывало, съ Сашей двое
 Вверхъ дномъ мы ставили Москву!
 Пока я живъ на свѣтѣ буду,
 Въ какихъ бы ни былъ я мѣстахъ,
 Нѣтъ, никогда не позабуду
 О нашихъ буйственныхъ дѣлахъ.

XXIII.

Деру «завѣсу темной ночи»
 Съ прошедшихъ, милыхъ сердцу дней—
 И вижу: въ Марьиной мы рошѣ
 Блистаемъ славою своей!
 Фуражки, взоры и походка—
 Все дышетъ жизнью и поетъ;
 Табачный ароматъ и водка
 Разить, и пышетъ, и несетъ...
 Идемъ, качаясь величаво,
 И всѣ дорогу намъ даютъ,
 А дѣвы влѣво и направо
 Отъ насъ со трепетомъ бѣгутъ.

.

XXX.

Ахъ, много, много мы шалили!
 Быть-можетъ, пошалимъ опять;
 И много, много старой были
 Дружьямъ найдется рассказать,

.

XXXVI.

Засядемъ дружескимъ соборомъ
 За столъ, уставленный виномъ,
 И звучнымъ, громогласнымъ хоромъ
 Лихую пѣсню запоемъ...
 Летите, грусти и печали,

.

Давно, давно мы не бывали
 Въ такомъ божественномъ кругу!

.
 Вивать, нашъ Саша,—молодецъ!
 А я, главу сію кончая,
 Скажу: ей-Богу, удалецъ!

